

TS 6108

R 43.419
4

საქართველოს
საბჭოთაო
საგარეო
საზღვაო
საზღვაო

ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО

29 августа 1905 г. въ Тифлисской Городской Думѣ.

Х. А. ВЕРМИШЕВЪ.

БАКУ.
Типографія газеты „Баку“
1917

Мое отношение къ событіямъ 29 августа можетъ быть объяснено и получило вѣрную оценку только въ связи съ тѣмъ, что происходило въ думѣ за всю предшествующую недѣлю.

Послѣ тѣсныхъ вакацій, на 22 августа 1905 года было назначено чрезвычайное собраніе думы для выбора 6-ти представителей въ уѣздн. земское совѣщаніе. Надо напомнить, что съ самаго начала лѣта того года въ Тифлисѣ было введено военное положеніе, и городъ былъ подчиненъ власти не только губернатора, но и еще особаго генералъ-губернатора, который въ июль мѣсяцѣ издалъ обязательныя постановленія, категорически воспрещавшія всякія публичныя общественныя собранія. Поэтому и думское собраніе было назначено закрытое—безъ доступа публики. Однако, 22 августа публика явилась на засѣданіе и буквально потребовала, чтобы и допустили ее присутствовать на засѣданіи.

На это я отвѣтилъ, что исполнить такое требованіе не въ моей власти, ибо воспрещеніе доступа публики вытекаетъ изъ обязательныхъ постановленій генералъ-губернатора; нарушить эти постановленія я не могу, не подвергая и публику, и думу, и себя большой ответственности по порядкамъ военного положенія. Но публика настаивала на своемъ.

«Мы не допустимъ васъ засѣдать при закрытыхъ дверяхъ и если вы не исполните этого требованія, мы васъ заставимъ это сдѣлать». «Или допустите насъ на засѣданіе, или закройте засѣданіе».

Такими были требованія публики. Такими были ея ультиматумъ.

Подобное отношеніе публики къ думѣ и ко мнѣ, какъ председателю ея,—было для меня совершенно неожиданнымъ. До введенія въ Тифлисѣ военного положенія, публика на всѣхъ довольно многочисленныхъ собраніяхъ думы всегда исполняла мои указанія безпрепятственно и никогда ни разу мнѣ никакихъ подобныхъ требованій не ставила. Поэтому, убѣдившись въ бесплодности переговоровъ съ публикой, я сказалъ гласнымъ, что при всемъ моемъ сочувствіи публичности засѣданій Думы, я не могу ходатайствовать о разрѣшеніи публичнаго засѣданія,—разъ публика считаетъ себя въ

правѣ предъявлять требованія и сопровождать эти требованія угрозами «заставить» ихъ исполнить. Сегодня такое требованіе согласно со взглядами гласныхъ, завтра оно можетъ идти вразрѣзъ съ этими взглядами, и тогда неизбежны большія недоразумѣнія и осложненія. Поэтому, ради соблюденія принципа независимости думы и отъ председателя отъ всякихъ давленій, я рекомендовалъ гласнымъ настоять на томъ, чтобы публика не препятствовала думѣ обсудить и рѣшить стоящій на очереди вопросъ въ закрытомъ засѣданіи.

Я указывалъ также, какую опасность представляетъ такое поведеніе публики, въ виду объявленнаго въ городѣ военного положенія, такъ какъ, не желая подчиниться власти городского головы, публика неизбежно придетъ въ столкновеніе съ администраціей, причѣмъ за это столкновеніе мнѣ же придется нести нравственную отвѣтственность. Но которые гласные взглянули на дѣло иначе. Одинъ изъ нихъ даже выразилъ удивленіе моею претензіей, чтобы въ городѣ съ двухсоттысячнымъ населеніемъ всѣ меня слушались.

Вслѣдствіе такой оппозиціи я вынужденъ былъ отарыть засѣданіе, условившись, что я немедленно его закрою по заявленію кого-нибудь изъ гласныхъ о нежеланіи разсматривать дѣла въ закрытомъ засѣданіи.

Такъ мною и было исполнено, при чемъ думой было постановлено ходатайствовать о разрѣшеніи публичнаго засѣданія.

Это ходатайство и возбудило на другой день и, послѣ продолжительныхъ личныхъ объясненій съ генералъ-губернаторомъ, который находилъ, что со стороны думы такое постановленіе является какимъ-то ультиматумомъ,—мнѣ удалось его убѣдить, что дума не ставитъ ультиматумъ, а лишь проситъ допустить публику на засѣданіе, и получить просимое разрѣшеніе, поручившись лично за соблюденіе публикой полнаго порядка.

25-го августа должно было состояться второе засѣданіе, назначенное взамѣнъ не состоявшагося 22-го августа. Вечеромъ, 25-го августа, публика явилась въ таксомъ числѣ, что заполнила не только думскіе коры, но и весь залъ, предназначенный для гласныхъ. Съ большими усиліями

и совместно съ 2—3 гласными проникъ въ залъ думы. Водворивъ въ ней нѣкоторую тишину, я указалъ прежде всего, что несмотря на объявленное военное положеніе, я добился разрѣшенія на публичное засѣданіе, поручившись лишь за тифлисскую публику, что она не нарушитъ порядка; что я надѣюсь, что публика вполне оправдываетъ мою увѣренность въ ея уваженіи къ городскому общественному управленію. Затѣмъ я обратился къ публикѣ съ просьбой освободить думскій залъ, объяснивъ при этомъ, что, очевидно, вмѣстѣ съ всѣхъ желающихъ помѣщеніе не можетъ; что надо мириться съ тѣмъ, что часть публики останется внѣ зала; что засѣданіе думы не можетъ состояться, если для гласныхъ не будетъ освобожденъ думскій залъ. На мои слова изъ публики раздавались громкія требованія догустить всѣхъ желающихъ изъ публики къ участию въ обсужденіи вопроса о введеніи земства на Кавказѣ. Подобнаго требованія я, очевидно, не могъ исполнить, такъ какъ это было бы уже не засѣданіе думы, а народный митингъ, рѣшеніе котораго и произведенные выборы не могли бы имѣть никакой законной силы, о чемъ я и заявилъ публикѣ, объяснивъ ей мотивы моего отказа. Но мои объясненія не имѣли никакого дѣйствія на публику, которая продолжала попорывать мои слова шумомъ и крикомъ.

Пользуясь минутами спокойствія въ залѣ, я объяснилъ публикѣ, что, не желая исполнить моей просьбы очистить залъ, она тѣмъ самымъ вынуждаетъ меня уйти изъ зала и оставить собраніе, а тогда въ думѣ будутъ распоряжаться администрація и военныя власти, что не въ моей власти создать свободу собраній.

«Пребуйте этого», кричали мнѣ изъ толпы. «Какимъ образомъ?»—спросилъ я. — «Какимъ образомъ вся Россія требуетъ этой свободы»—послѣдовалъ отвѣтъ.

Въ это время протолкался въ думу управскій служитель и сообщилъ мнѣ, что меня требуютъ къ телефону отъ памфлетника. Но только что я объявилъ объ этомъ и попросилъ публику, совершенно вылетную обступившую меня, дать мнѣ возможность выйти изъ зала, какъ отовсюду раздались

крики: «держите его! не пускайте! отъ обманываетъ насъ!».

Крики принимали все болѣе упреждающій характеръ; тѣмъ не менѣе, хоть и съ большимъ трудомъ и то съ помощью гласнаго Г. Г. Шахбудагова, я пробрался сквозь толпу.

Гласныхъ я засталъ въ управской залѣ въ ожиданіи результата моихъ переговоровъ съ публикой.

Подойдя къ телефону, я узналъ, что меня вызывалъ ген. Ширинкинъ, (бывш. помощ. Намѣстника по полицейской части), который сообщилъ мнѣ о наступившемъ въ Баку успокоеніи, прося объ этомъ оповѣстить и публику. Генераль Ширинкинъ, между прочимъ, спросилъ меня: «Ну, что, началось у васъ засѣданіе?» На это я отвѣтилъ: «да, началось». — «Отлично! ну, желаю успѣха» — закончилъ свой разговоръ со мной ген. Ширинкинъ и въ голосъ его явно слышался сдержанный смѣхъ..

Послѣ этого разговора я направился обратно въ думскій залъ черезъ помѣщеніе управы, но здѣсь былъ задержанъ нѣкоторыми гласными, которые были свидѣтелями моего разговора съ публикой, видѣли ея отношеніе ко мнѣ и къ гласнымъ, ея полное нежеланіе исполнить мои распоряженія и просьбы. Одинъ изъ этихъ гласныхъ, а именно Г. Г. Шахбудаговъ, категорически воспротивился моему возвращенію въ думскую залу. Гл. Г. Г. Шахбудаговъ заявилъ мнѣ буквально слѣдующее: «я ни за что не пушчу васъ въ залу. Тамъ васъ избытокъ. Я слышалъ, какія угрозы раздавались тамъ по вашему адресу послѣ вашего ухода».

Подчиняясь этимъ уговорамъ, я остался въ управской залѣ, желая выскдать, чѣмъ кончится все это.

Остальные гласные также были здѣсь въ сборѣ, такъ какъ шронимуть въ думу не было никакой возможности, въ виду переполненія ея публикой. Объявившись мыслями съ собравшимися гласными, я предложилъ попытаться убѣдить публику освободить думскій залъ и отказаться отъ требованія допустить участіе всѣхъ желающихъ въ преніяхъ гласныхъ съ тѣмъ, что десять делегатовъ по выбору публики будутъ приглашены мною въ думу съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Предложеніе это было передано публикѣ, которая тѣмъ временемъ, занявъ залу и хоры, сама открыла свое засѣданіе, предварительно выбравъ себѣ въ председатели присяж. повѣреннаго Н. З. Элава. Обсудивъ мое предложеніе, публика прислала для переговоровъ своего председателя, который сообщилъ мнѣ, что публика принимаетъ мои условія, но согласна «уступить» гласнымъ въ залѣ только два первыхъ ряда креселъ, остальная же часть залы не можетъ быть освобождена ею.

На этотъ отвѣтъ я прежде всего возразилъ председателю митинга, что такое отношеніе со стороны публики я считалъ насиліемъ, такъ какъ не публикѣ предоставлено отводить мѣста гласнымъ, а только председатель думы въ правѣ давать такіа указанія публикѣ; что публика, пользуясь своею силою и лишая меня моихъ правъ, какъ хозяйина думы, тѣмъ самымъ не только злоупотребляетъ моимъ коррективнымъ къ ней отношеніемъ, но сама создаетъ возможность вмѣшательства администраціи и съдвигательно снимаетъ съ меня всякую отвѣтственность за послѣдствія такого вмѣшательства.

Помимо этого, я не могъ исполнить поставленныхъ мнѣ публикой условій еще и потому, во-1-хъ, что думѣ предстояло провозвести выборы шести уполномоченныхъ въ уѣздное земское совѣщаніе, а эти выборы могли, очевидно, имѣть законную силу только при томъ условіи, когда каждый гласный могъ бы фактически принимать участіе въ засѣданіи думы, мнѣ же было до того заявлено многими гласными, что они физически не въ состояніи участвовать въ такихъ засѣданіяхъ, когда вся зала набивается публикой и буквально можно задохнуться отъ тѣноты; во-2-хъ, что при такой тѣнотѣ и смѣненіи съ публикой немислимо было бы провозвести баллотировку, и, въ 3-хъ, наконецъ, потому, что при такихъ условіяхъ немигнуемо въ преніяхъ приняли бы участіе всѣ желавшіе и думское засѣданіе обратилось бы въ народный митингъ, рѣшенія котораго не могли бы имѣть никакой юридической силы.

Невозможно было согласиться на подобное требованіе еще и потому, что у меня

было опасеніе, не воспользуются ли этимъ въ своихъ дѣлахъ каіе-нибудь провокаторы.

Но допутаты публики оставались глухи ко всѣмъ моимъ просьбамъ, предварительнымъ и совѣтамъ, направленнымъ къ возстановленію того порядка въ думѣ, который отнѣчалъ бы законнымъ условіямъ дѣятельности думы, и той отвѣтственности, которая лежала на мнѣ, какъ на хозяйнѣ помѣщенія думы. Депутаты отказались исполнить мое условіе и вернулись къ публикѣ.

Такимъ образомъ, публика, занявъ, вопреки моимъ настояніямъ, думскій залъ и избравъ сама себѣ председатели, продолжала свое засѣданіе, а гласные, вмѣстѣ со мной, за исключеніемъ нѣсколькихъ, остались въ управскій залѣ, сознавая свою полную безпомощность въ смыслѣ воздѣйствія на публику.

Засѣданіе публики продолжалось до часу ночи. Какъ мнѣ передавали ораторы изъ публики рѣзко осуждали гласныхъ и всю думу, при громкомъ одобреніи всей публики. Засѣданіе закончилось постановленіемъ выразить «презрѣніе буржуазнымъ гласнымъ», въ то самое время, какъ эти «буржуазные», гласные съ «буржуазнымъ» городскимъ головой только своимъ присутствіемъ—и то, конечно, временно—маскировали все происходящее въ думѣ и шарочно не расхвалились, чтобы только не дать повода администраціи закрыть неразрѣшенный митингъ.

«Эти люди доведутъ дѣло до несправедливостей», говорилъ и думалъ я все это время. И дѣйствительно, если бы въ ту ночь администрація потребовала отъ меня закрытія митинга, что бы иное я могъ отвѣтить ей, кромѣ того, что я сказалъ генералъ-губернатору 29 августа, а именно, что я этого исполнить не въ силахъ? Далѣе, если бы военная власть вздумала тогда же сама удалить публику,—какими силами я могъ бы предотвратить несчастье, если бы публика по требованію власти немедленно не разошлась!?

Отвѣчу при этомъ, что вмѣстѣ со мной оставались въ управѣ нѣсколько гласныхъ, въ томъ числѣ и кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ, который видѣлъ отлично все мое безсиліе убѣдить публику освободить дум-

ский залъ и не устраивать неаррѣционнаго митинга, и не менѣе меня созвавалъ, какое опасное положеніе создавалось такими дѣйствіями публики, нарушавшими обязательныя постановленія.

Къ счастью, все обошлось тогда благополучно. Администрація знала, что въ этотъ вечеръ должно было быть публичное засѣданіе думы, и потому она могла не обратить вниманія на присутствіе публики въ помѣщеніи думы. Тѣмъ не менѣе я провелъ 4 часа подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ своего безсилія устранить послѣдствія неаррѣционнаго митинга, если-бъ ген.-губернаторъ потребовалъ удаленія публики изъ думскаго зала, и только тогда, когда публика стала расходиться, я вздохнулъ облегченно, въ сознаніи, что на этотъ разъ все прошло благополучно.

Такъ или иначе и 25 августа засѣданіе думы не могло состояться.

На 26 августа я вновь назначилъ засѣданіе думы, но уже закрытое, при чемъ я просилъ гласныхъ собраться въ управскаго залъ, гдѣ скопленіе публики не могло быть значительнымъ. Къ 8 часамъ, вмѣстѣ съ гласными, появилась и публика и стала наполнять смежную съ управскаго залой приемную комнату. Видя это, я выходилъ нѣсколько разъ въ приемную комнату и заявлялъ публикѣ, что засѣданіе думы будетъ закрытое, при чемъ просилъ ее разойтись. Но публика, оттолкнувъ сторожей, буквально ворвалась въ управскаго залу и быспро ее зашлонила. На этотъ разъ она вновь предъявила мнѣ тѣ же требованія, каковы были ею заявлены 25 августа, на что я, въ свою очередь, отвѣтилъ то же самое, что было мною сказано ей на томъ же засѣданіи черезъ ея делегатовъ. При этомъ я вновь объяснилъ ей, насколько неправильно съ ея стороны производить давленіе на думу и препятствовать ей выполнять свои обязанности, соблюдая законъ, безъ чего вся ея работа лишена будетъ всякаго юридическаго значенія и силы.

Въ своихъ продолжительныхъ отвѣтныхъ рѣчахъ ораторы изъ публики развивали свои взгляды на земскія учрежденія, учили думу и гласныхъ въ буржуазныхъ стремленіяхъ, въ пренебреженіи интересами

бѣдныхъ въ угоду богатымъ домовладѣльцамъ и даже въ расхищеніи городскихъ средствъ.

Какъ я лично, такъ и присутствовавшіе въ управѣ гласные старались убѣдить публику въ несправедливости ихъ обвиненій, въ неправильномъ освѣщеніи задачъ и дѣятельности земскихъ и городскихъ управленій и въ томъ ущербѣ, который она причиняетъ всѣмъ обывателямъ, мѣшая работѣ думы. Объяснялось публикѣ и то, что сама дума не можетъ выйти изъ поставленныхъ ей рамокъ и отмѣнять законы, не совершая надъ собой самоубійства. Но всѣ доводы наши разбивались объ упорное желаніе публики принять участіе въ засѣданіи думы.

Отмѣчу при этомъ, что даже, какъ казалось мнѣ, наиболѣе популярныя въ народѣ гласные (зн. А. М. Аргутинскій-Долгорукій, Н. В. Худяковъ, С. А. Чредаевъ, ин. В. М. Микеладзе и др.) вступали со стороны публики самый рѣзкій отпоръ и осужденіе, при томъ въ такой прубой формѣ, что возбуждали возмущеніе этихъ гласныхъ, переходившее въ шрепирательства съ ораторами изъ публики.

Изъ этого столкновенія съ нею я вынесъ твердое убѣжденіе, что и эти гласные въ сущности не пользуются никакимъ вліяніемъ въ той публикѣ, которая прихотила въ думу, и что я не могу питать никакой надежды при ихъ содѣйствіи оказывать на нее воздѣйствіе въ отношеніи соблюденія въ стѣнахъ думы должнаго порядка.

Не видя конца этимъ пререканіямъ, я, посоветовавшись съ гласными, рѣшилъ, наконецъ, уступить публикѣ и предоставить ей высказаться вполне по всѣмъ интересующимъ ее вопросамъ предстоящаго введенія на Кавказѣ земства, предваривъ ее при этомъ, что затѣмъ я все-таки открою засѣданіе думы, чтобы произвести выборы представителей въ земское совѣщаніе, которое назначалось губернскимъ предводителемъ дворянства на 29 августа. Но и это мое предложеніе было отвергнуто подъ тѣмъ предлогомъ, что въ залъ осталось мало публики, а ораторы желали говорить въ присутствіи всѣхъ своихъ товарищей. Вмѣстѣ съ тѣмъ главный ораторъ изъ публики прямо провозгласилъ, что они уже и такъ

достигли своей цѣли, такъ какъ они пришли въ управу съ агитационною цѣлью, чтобы «обнаружить буржуазную физиономію думы, дискредитировать ее въ глазахъ населенія и воспрепятствовать введенію земства на Кавказѣ».

Объяснивъ, такимъ образомъ, цѣль своего прихода, публика стала расходиться съ криками: «Долой думу, долой гласныхъ, долой городскаго голову, дзирсь!...» Публика разошлась только къ 12 часамъ ночи.

Этотъ третій инцидентъ окончательно убѣдилъ меня, что публичною овладѣли руководители опредѣленныхъ партій, которые нисколько не скрывали того, что на ихъ знамени написана непримиримая борьба во имя опредѣленныхъ лозунговъ того времени; что публика, увлекаемая своими руководителями, стремится къ упраздненію великой власти породскаго самоуправленія и будетъ охотно дѣлать то, что найдетъ нужнымъ, совершенно не считаясь съ требованіями или просьбами представителей города. Такое сознаніе было для меня настолько тягостно, что 26 августа я говорилъ публикѣ, что я скорѣе подамъ въ отставку, чѣмъ стану исполнять требованія публики, несогласныя съ моими взглядами, подчиняясь ей давленію.

Но пойдемъ дальше.

27 августа, вечеромъ, публика вновь явилась въ управу, хотя никакого засѣданія въ управѣ не было. Объ этомъ ей было объявлено членомъ управы кн. Черкесовымъ, но она все-таки вновь заполнила весь управскій залъ, выбрала себѣ председателя и открыла снова свое засѣданіе, не спрашивая ничего разрѣшенія и согласія. Несмотря на настоятельныя увѣщанія кн. Черкесова, — разойтись и не подвергать себя отвѣтственности, публика отвѣчала, что управа не въ правѣ противъ публики никакихъ мѣръ принимать, ипаче она отвѣтитъ передъ народомъ.

— «Мы-то не примемъ никакихъ мѣръ, — отвѣчалъ кн. Черкесовъ, — да сама администрація ихъ приметъ, такъ какъ засѣданіе ваше не можетъ остаться тайнѣмъ».

«Мы не боимся полиціи», — отвѣтила публика и подъ руководствомъ своего председателя продолжала свои пренія, оставалась въ управѣ до 12-ти часовъ ночи.

Такимъ образомъ, четыре раза въ продолженіи одной недѣли руководители публики совершенно игнорировали просьбы, требованія, увѣщанія и серьезныя предостереженія, предъявленныя и гласными, и мною. Я не разъ говорилъ публикѣ: «Господа, поймите, разъ вы меня не слушаете и упраздняете мою власть, здѣсь хозяйномъ положенія будетъ администрація и военная власть; подумайте о послѣдствіяхъ столкновенія съ военной властью; поймите, что власть никто не трогаетъ здѣсь, пока онѣ не знаютъ, что происходитъ въ думѣ. Но вѣдь долго это не можетъ остаться въ тайнѣ. Зачѣмъ же вы подводите и себя, и все городское управленіе подъ серьезную отвѣтственность» и пр. въ томъ же духѣ; но эти слова были гласомъ вопиющаго въ пустынь.

Наконецъ, настало 29 августа. День былъ праздничный. Никакихъ засѣданій на этотъ день никто не назначалъ и я оставался у себя дома.

Между тѣмъ, вотъ что происходило въ управѣ, по словамъ одной прокламаціи:

«Многотысячная толпа народа явилась на очередное засѣданіе думы, цѣль должны были произойти выборы представителей въ земское совѣщаніе. Толпа, большою частью пролетарій, явилась съ цѣлью произвести давленіе на выборы... Входныя двери были открыты. Полиція, казалось, не предпринимала никакихъ мѣръ. Народная масса направилась въ залъ засѣданія думы, но двери оказались закрытыми. Зная по опыту, что отцы города укрываются отъ публики, толпа сломала двери и, занявъ залъ, открыла собраніе. Былъ поставленъ вопросъ о татарско-армянской рѣзнь. Не успѣвъ выказаться и первый ораторъ, какъ явилась полицеймейстеръ и пригласилъ отъ имени генералъ-губернатора разойтись. Самая незначительная часть публики посѣдовала его увѣщаніямъ, остальная же часть отвѣтила криками: «Долой полицію! Да здравствуетъ свобода собраній!». Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ явились казаки съ заряженными ружьями, устремляя ихъ въ толпу...»

С. 13

О томъ, что въ думскомъ залѣ снова собрался митингъ, я ничего не зналъ и былъ дома, когда къ 8-ми часамъ прибѣгаетъ сторожъ управы и сообщаетъ, что опромная толпа зашла въ помѣщеніе управы и требуетъ открытія думскаго зала, не слушая и не вѣря словамъ служащихъ въ управѣ и сторожей, что никакого засѣданія въ тотъ день не будетъ. На вопросъ, что дѣлать, я отвѣтилъ: «Ну, что-жъ дѣлать? пришла публика, пускай себѣ и будетъ, поговорить и разойдутся, передайте все-таки, что никакого засѣданія нѣтъ и не будетъ и просите разойтись; разойдутся—хорошо, не разойдутся—ничего дѣлать, надо ждать, пока сами не уйдутъ».

Послѣ того приходится ко мнѣ съ тѣмъ же вопросомъ, что дѣлать, и приставъ 4 уч., которому я повторилъ то же самое. Затѣмъ звонитъ ко мнѣ по телефону генераль-губернаторъ, сообщаетъ, что въ думѣ какое-то незаконное собраніе и настоятельно предлагаетъ принять мѣры къ удаленію публики. На это я отвѣтилъ, что я не могу удалить публику. «Вы видѣ знаете, что вы за это отвѣтите», — сказалъ генераль-губернаторъ. «Да, я знаю о лежащей на мнѣ отвѣтственности», — отвѣтилъ я, и на этой послѣдней фразѣ разговоръ былъ оборванъ самимъ г. генераль-губернаторомъ. Никакихъ упрозъ по адресу публики г. генераль-губернаторъ не выражалъ и я, видя передъ тѣмъ въ Москвѣ, какъ поступаетъ въ такихъ случаяхъ администрація, могъ быть удивленъ, что генераль-губернаторъ самое большое, что сдѣлаетъ—это привлечетъ публику къ отвѣтственности на основаніи обязательныхъ постановленій.

Наконецъ, приходитъ вторично ко мнѣ сторожъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ изъ публики, который потребовалъ отъ меня ключи отъ думской залы. Ему я сказалъ, что ключи отъ думы всегда у сторожей; что никакого засѣданія не было назначено и не будетъ; что я прошу публику разойтись, во избѣжаніе серьезной отвѣтственности, такъ какъ властямъ уже извѣстно о сходкѣ въ думѣ и власти требуютъ удаленія публики. Въ то же время я обѣщалъ, что на другой день я самъ буду просить генераль-губернатора разрѣшить собраніе для обсуж-

денія бакинскихъ событій, о которыхъ, по словамъ молодого человѣка, публика желала обмѣняться мыслями. Но молодой человѣкъ отвѣтилъ мнѣ, что публика все равно не разоидется и что полиція она не боится. Никакихъ упрозъ я по адресу публики не выражалъ, я лишь предостерегалъ, что администрація знаетъ о митингѣ и привлечетъ публику къ отвѣтственности.

Дополню эти факты указаніемъ на то, что изъ той семьи, г-жи Прузенбергъ, цѣлѣ я жилъ въ Тифлисѣ, на эту же сходку передъ тѣмъ пошелъ сынъ ея, гимназистъ, которому я сказалъ также, что никакого засѣданія не будетъ и что напрасно онъ идетъ въ думу. Неужели я не удержалъ бы этого мальчика, хотя бы черезъ его родителей, если бы у меня могла бы быть хоть тѣнь опасенія, что за такую невинную вещь, какъ собраніе въ думѣ, публика будетъ разстрѣляна казаками?!

Этотъ же гимназистъ Прузенбергъ, какимъ-то чудомъ спасшійся отъ разстрѣла, задержанный властями въ думѣ до 12 часовъ, къ смертельному перешугу его родныхъ, рассказывалъ мнѣ, что публика, дѣйствительно, не послушалась полицеймейстера и казачьяго офицера, когда тѣ одинъ за другимъ потребовали отъ публики расхотиться; что вслѣдъ за этимъ послѣдними требованіемъ председатель сходки обратился къ публикѣ съ такими словами: «Пусть, кто трусъ, тотъ уходитъ» и этой фразой удержалъ публику, которая начала было расхотиться. Вслѣдъ за этимъ произошло то, что завершилось разстрѣломъ публики. По другой версіи, переданной мнѣ г. Ермолаевымъ Н. Е. со словъ одного лица, бывшаго на митингѣ 29 августа, дѣло происходило такъ:

Собравшіеся не обратили никакого вниманія на предупрежденія полицеймейстера и на его приглашеніе отъ имени генераль-губернатора, собравшіеся отвѣтили криками: «долгой полицію».

Такъ же отнеслись они и къ требованію казачьяго офицера.

Правда, часть собравшихся стала было расхотиться, но председатель митинга, нѣкто Чичуа, на которомъ лежала главная отвѣтственность за исходъ митинга, въ от-

йти на требование казачьяго офицера разойтись—остановить расходившихся словами:

«Бабы только разойдутся, а мужчины—останутся». И собравшиеся остались.

Когда же вошли казаки и стали разогнать силой—раздался выстрѣлъ (кто далъ этотъ предательскій провокаціонный выстрѣлъ—мигъ неизвѣстно) и этотъ выстрѣлъ послужилъ сигналомъ къ разстрѣлу...

Изъ приведенныхъ выше фактовъ видно: во-первыхъ, что митингъ 29 августа былъ устроенъ въ думѣ не только не по моему приглашенію, не только помимо меня и безъ всякаго моего согласія, но даже безъ моего вѣдома. Въ этотъ вечеръ я былъ дома и узналъ объ этомъ митингѣ тогда, когда онъ уже былъ совершившимся фактомъ;

во-вторыхъ, что на 29 августа никакихъ засѣданій не было назначено и публика объ этомъ была предупреждена и мною через ея делегата, пришедшаго ко мнѣ за ключами, и управленіи сторожками, и тѣмъ обстоятельствомъ, что двери залы были заперты;

въ третьихъ, что мнѣ рѣшительно ничего не было извѣстно о готовящемся избиеніи публики, такъ какъ генераль-губернаторъ никакихъ уроковъ въ этомъ смыслѣ мнѣ не высказывалъ;

въ четвертыхъ, что публика мною была предупреждена черезъ того же делегата о требованіи генераль-губернатора;

въ пятыхъ, что если даже публика и собралась, въ силу слуховъ о предстоящемъ засѣданіи думы, то, узнавъ, что никакого засѣданія не будетъ, она всетаки насильно ворвалась въ думскій залъ, руководимая тѣми же партійными представителями, которые вели ее за собой во имя своихъ партійныхъ лозунговъ, какъ въ этотъ день, такъ и во время митинговъ, бывшихъ въ думѣ 25, 26 и 27 августа;

въ шестыхъ, что очереднымъ партійнымъ лозунгомъ былъ захватъ власти городскими самоуправленіями;

въ седьмыхъ, что руководители публики дѣйствовали сознательно, во имя борьбы за свои лозунги, иначе они разошлись бы по первому требованію властей.

въ восьмыхъ, что, все перемкнуто мною въ думѣ 22, 25, 26 и 27 августа, давало мнѣ полное право быть убѣжденнымъ, что мои слова, совѣты и предупрежденія на публику не произведутъ никакого дѣйствія, и потому все послѣдующее находилось всецѣло въ рукахъ администраціи и руководителей публики.

Безусгѣнность уговоровъ публики со стороны и полицеймейстера и казачьяго офицера, просившихъ публику разойтись, подтверждаютъ основательность моей увѣренности, что меня публика во всякомъ случаѣ менѣе всего могла послушаться.

Значить, моя шовая попытка въ томъ же направленіи могла имѣть значеніе только лично для меня, въ смыслѣ соблюденія формальностей для «очистки» своей совѣсти...

Такимъ образомъ, событія 29 августа, предшествовавшія разстрѣлу, доказываютъ, насколько основательны были все мои предположенія, что все мои успія убѣдить толпу разойтись были бы въ лучшемъ случаѣ безрезультатными.

Я былъ также увѣренъ и имѣлъ къ тому серьезныя основанія думать, что мое появленіе въ думѣ можетъ имѣть и свои отрицательные результаты, а именно—собравшиеся, питая по-прежнему иллюзію, что мое присутствіе гарантируетъ ихъ отъ вмѣшательства власти, не разойдутся даже послѣ появленія полиціи и военной власти въ стѣнахъ думы. Мое присутствіе, по моему убѣжденію, могло, такимъ образомъ, оказаться только вреднымъ.

Далѣе мнѣ приходила въ голову и такая мысль. Я пойду въ думу,—войду въ толпу, а толпа тогда меня не выпуститъ изъ зала, какъ это она пыталась сдѣлать 25-го августа, — въ ошибочной надеждѣ своимъ присутствіемъ оправдать себя отъ вмѣшательства властей, — либо изгонитъ меня тѣми же оскорбительными криками, которые я не разъ слышалъ въ думѣ, и тогда, если послѣ моего такого изгнанія изъ думы, явится администрація,—появленіе оя публика, конечно, припишетъ моей скалобѣ.

Все эти мысли и опасенія сразу охватили меня, какъ только мнѣ сообщили о прандіозномъ митингѣ, устроенномъ публикой въ помѣщеніи думы.

Конечно, было бы весьма просто пойти в думу и для очистки совести соблюсти формальность и передать требование генерал-губернатора и затѣмъ уйти, заручившись «документомъ», что городской голова все сдѣлалъ для своей репутаціи. Но я въ ту минуту менѣе всего думалъ о репутаціи своей, какъ не думалъ и тогда, когда въ предшествующіе дни ни разу не составилъ протокола о томъ, что творилось в думѣ, чтобы имѣть «документъ» для своего оправданія на случай какихъ-либо неприяностей. Я думалъ о публикѣ, о томъ, что надо сдѣлать, чтобы не озлобить противъ нея администрацію, и не вынудить публику нѣвольнымъ своимъ внимательствомъ и даже преимущественнымъ несчастливой мысли не подчиняться требованію администраціи, и моя совесть мнѣ подсказала — остаться дома.

Но случилось то именно, чего я менѣе всего ожидалъ. Эту несчастную мысль вынулъ публикѣ председатель митинга. Въ этомъ вся разгадка совершившагося, и врядъ ли найдется хоть одинъ человекъ, который смогъ бы сколько-нибудь убедительно доказать, что я своимъ внимательствомъ былъ бы въ состояніи парализовать это внушение председателя митинга, или убедить его не подвергать себя и публику опасности, когда онъ обнародовалъ такое усурпство даже лицомъ къ лицу съ казаками....

Въ извѣстныхъ кругахъ общества удерживаютъ меня и въ томъ, почему я не принялъ мѣръ противъ устройства террористическихъ митинговъ в думѣ, т. е. не поставилъ во время стражи для охраны городского дома отъ вторженія публики. Но дѣло въ томъ, что если бы я поставилъ передъ думой нарядъ полиціи, какъ это предлагалъ еще 25 августа гл. Евангуловъ А. Б., то это вызвало бы цѣлую бурю протеста и со стороны гласныхъ думы и со стороны публики, которая собиралась в думѣ въ тѣ дни, когда думское помѣщеніе открывалось для засѣданій и было доступно для всехъ. И эти протесты приняли бы такую рѣзкую форму, что я былъ бы безсилень сопротивляться общему требованіямъ снять военнопольцейскую стражу. Той же стражи, которую я могъ бы сформировать изъ управскихъ сторожей, было совершенно недоста-

точно, чтобы сдерживать патлѣкъ толпы, какъ это случалось не разъ, и какъ это случилось 29 августа.

Обвиняютъ, наконецъ, меня, что я, какъ «хозяинъ» думы, не принялъ мѣръ къ устраненію проволочитія. Говорятъ о моихъ правахъ, какъ «хозяина» думы?! Да, быть можетъ, о правахъ хозяина думы могла бы быть рѣчь, но, конечно, при одномъ непримѣнномъ условіи, если бы объ этихъ правахъ руководители пубрики вспоминали не послѣ того, какъ случилось непоправимое несчастіе, а тогда, когда они приводили публичку въ думу на неразрѣшенные митинги и притомъ съ цѣлью дискредитировать городское управленіе въ глазахъ населенія. Къ глубокому сожалѣнію, о «хозяинѣ» думы слишкомъ поздно вспомнили; вспомнили послѣ того, какъ сами все сдѣлали, чтобы совершенно уничтожить мысль ея авторитетъ въ глазахъ публики....

Не лишнимъ считало отмѣтить и слѣдующіе факты. Соціалъ-демократическая организація, въ лицѣ председателя митинговъ и ораторовъ, также являлась наиболѣе ослѣпленнымъ моею обличительницей, однако, ослѣплено она, сначала увлекая публичку на путь захватнаго осуществленія права народныхъ собраний, добилась того, что власть «хозяина» думы была совершенно уничтожена, затѣмъ въ минуту опасности председатель митинга, принадлежащій къ этой организаціи, удерживалъ публичку, намѣревавшуюся разойтись. Послѣ катастрофы эта же организація всенародно обвиненія предъявила ко мнѣ, а пресѣдателя митинга судила келейно и келейно же осудила на изгнаніе изъ Тифлиса.... И тифлисская публика получила такое впечатлѣніе, будто во всемъ виновата городской голова, своею непредусмотрительностью доведши дѣло до такой развязки.

Совершенно иное впечатлѣніе относительно моей роли получило бы, если бы организація, выставившая мою вину, «догадались бы» разсказать подробно и правдиво весь ходъ событій и то, что они дѣлали или, вѣрнѣе, чего не дѣлали, какъ для умиротворенія пубрики, такъ и для того, чтобы уговорить ее подчиниться распоряженіямъ администраціи.

Вообще говоря, поражает своей несправедливостью выставление рядом таких взаимноисключающих принципов, как то, что публика может думать все, что ей заблагоразсудится и быть всегда правою, породекой же голова должен всячески оберегать ее от столкновений с администрацией даже тогда, когда у него вырывается всякая возможность руководить публикой, и если за все мы тьма, но неосмотрительности публики, с нею случится несчастье, за это несчастье прежде всего должен быть в ответе городекой голова.

Я думаю, чтобы судить о моих действиях, нужно ясно представить всю ту традиционную психологию, которую я пережил в тот вечер. Если устранить какой бы то ни было элемент неприязни к публике, в которой меня никто не подозревал, и вспомнить, с какой настойчивостью и с риском для своего положения в глазах администрации, я, за все время моего нахождения в должности городекого головы, добивался свободы народных собраний, — что станет ясным, что я должен был пережить то сложное состояние духа, когда человек находится в колебании перед страшной дилеммой — какой путь избрать из всех путей, почти одинаково опасных. Для людей поверхностных и переживающих медовый месяц общественной деятельности, — непонятны такие трагические дилеммы, им все представляется просто и ясно, и только долгий и суровый опыт жизни мог бы им показать, что бывают такие положения, из которых ложным образом нельзя найти спасительного выхода, так как всякий выход чреват гибельными последствиями.

Но пошел я в думу — на меня обрушились обвинения; пойдя я в Думу — и случилась несчастье в моем присутствии, на моей думь легало бы тяжкое сознание, что я своим присутствием только осложнил и вызвал упорство публики, со всеми дальнейшими несчастными последствиями этого упорства. Из таких тяжелых сомнений меня вырвала только одна надежда, что публика не решится в мое отсутствие не подписывать полицию и что администрация в крайнем случае привлечет публику к законной ответственности или

подвернет разгону. О возможном разрыве публики мной и в голову не приходила мысль.

Неужели было преступно питать такую надежду, когда всякое иное действие с моей стороны, как мне казалось, могло бы создать только серьезные осложнения для самой публики!?!..

Все эти предъявленные мне обвинения настолько несправедливы, что мне остается только спросить, неужели можно требовать от меня, чтобы я нес ответственность за все те митинги, которые задумали бы устраивать в стенах думы различные тифлисская общественные организации не только без моего согласия и разрешения, но даже вопреки моим настоятельным затрепещениям и предупреждениям?

Есть пределы человеческих сил и человеческой ответственности. Даже вполне расширив тебные рамки закона до пределов той ответственности, которую возлагает на каждого общественно дятеля общественное сознание, — то и в этом случае можно и справедливо было бы возлагать на каждого человека ответственность лишь за то, что им самим сделано или могло быть сделано. В данном случае мною ничего не было сделано такого, что могло бы поставить публику в опасное положение. В этом отношении вся ответственность исключительно падала на самое публику и на ее руководителей. Если бы она не вздумала так неосторожно устраивать митингов без разрешения, если бы, наконец, она разошлась по первому требованию полицимейстера, — не случилось бы того несчастья, которое стоило жизни и здоровья десяткам людей.

За мной не хотяя признать даже права сказать этим людям: вы сознательно и не раз шли на то, что неизбежно должно было привести вас к столкновению с администрацией, зачем же вы бросаете камень в того, кто вас не раз предупреждал о грозящей вам опасности и которого вы не только не слушали, но даже оскорбляли в стенах Думы, идь они сами же считались хозяевами?

Что же касается того, что много могло быть сделано, но не было сделано, то ведь для оценки моих сил и условий моей дб-

ательности—нужен сложный анализ событий не только внешний, объективный, но и внутренний, субъективный, без которого мы никак не можем познать побудительные причины моего пассивного отношения к этим событиям.

Теперь, спустя десять лет, конечно, спокойно размышляя, можно сказать очень много хороших советов, что можно и надо было бы сделать, чтобы устранить такие серьезные столкновения публики с администрацией. Но тогда, в те дни необычайных преврат, я не видел иного выхода, кроме того, на котором и остановился. Может быть, теперь он покажется неправомерным. Но важна не критика post factum принятая мною положения и не оценка правильности моего образа действий при кровавом свете совершившихся событий, так как эти события зависели всецело от образа действия администрации и руководителей публики, а оценка искренности и честности тех моих побуждений, которые продиктовали мне тот, а не иной образ действий.

Человеческий суд может судить людей за их действия только в связи с их побуждениями. В особенности обязательна такой именно суд в той области, где личному усмотрению предоставлен полный простор и где для поступков человека нет ни правил, ни законов, а есть один единственный критерий их честности—это их соответствие с тем, что он искренно считает за народное благо.

Вообще не надо забывать, что непрерывно устраиваемые в городской думе митинги не были случайными явлениями: они были началом освободительного движения, общаго с Россией, планомерно развивавшагося в странах и завершившагося в Тифлисе и в других городах рядом последующих событий, хорошо памятных всей России...

В мои задачи не входит оценка этого движения и его исторического значения. Для моих целей существенно важно одно—точно определить характер и задачи этого движения, одним из проявлений которого были события, имевшие место в городской думе с 22 по 29 августа. И я думаю, не может подлежать ни малейшему

сомнению, какою характерною чертою было и что оно имело целью—заставить в частности органы самоуправления, вполне определенно провозглашенный партийною печатью, как очередною лозунг.

Руководители этого движения отнюдь не давали себе отчет, на что они сами идут и куда они ведут за собой народ.

Это стало для меня совершенно очевидно в первый же митинг, на котором председательствовал не легкомысленный безусый юноша, а хорошо известный в Тифлисе здравомыслящий и опытный прозаический повзрелый, который самолично вел со мною переговоры от имени собравшихся и ставил мне условия, не прося моих советов и не ожидая от меня предостережений или защиты, и, конечно, как юрист, слушал меня понимая своей ответственности и куда он ведет за собой слепо врывающуюся толпу.

Перед лицом такого движения, что могли бы значить увещания городского головы?

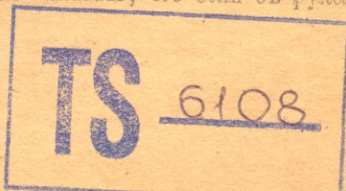
Люди сознательно шли на захват власти органами самоуправления и не срывали этого, и не смотря на это находятся наивные люди, которые с прозрачностью институтов рьяноются утверждать, что всетаки надо было пойти и посоветоваться толпе разойтись.

Но тогда, почему никто не советовал московскому городскому голове пойти к рабочим и договорившись отказаться от борьбы за свои лозунги во все памятные дни конца 1905 г. в Москве и все такие советы приберечь только для меня одного во всей Российской Империи!..

Если, таким образом, перед нами были первые этапы оспредельеннаго освободительнаго движения, то въ этомъ случаѣ обвиненія по моему адресу надо было бы формулировать такъ: «Городской голова не принялъ мѣръ къ предотвращенію начинавшагося въ Тифлисѣ освободительнаго движенія».—Достаточно, однако, логически придти къ такой формулировкѣ обвиненія меня, чтобы вся нецѣльность самаго обвиненія стала совершенно очевидной.

Взвѣсивъ на этомъ мои разъясненія, долженъ сказать, что если бы руководители

TS 6108

движения не устраивали въ городской думѣ неразрѣшенныхъ митинговъ, и если бь на послѣднемъ митингѣ 29 августа председатель митинга г. Чичуа по пребыванію полиціимейстера закрылъ собраніе и распустилъ бы собравшихся, то никакого происшествія не было.

Но они всего этого не сдѣлали. Выполнили партійныя лозунги—они, не взирая на неоднократныя мои предостереженія, сами сознательно не подчинились требованіямъ военной власти.

При чемъ же тутъ городской голова, власть и авторитетъ котораго они сами въ мартѣ уничтожили?!..

Въ чемъ же заключается «печальная и мрачная дѣйтельность», которую мнѣ приписываетъ «Закавказская Рѣчь», теперь, спустя 10 лѣтъ послѣ кровавой ночи 29 августа 1905 года?

Кто-же именно «сыгралъ достойную вниманія роль въ происшествіи 29 августа»?

Я ли,—какъ утверждала газета «Эльва» въ мартѣ 1906 года, или тѣ самые руководители публики, которые 29 августа удержали расходящуюся было публику и партійнымъ органомъ которыхъ была сама газета «Эльва».

Кто же «неразрывными узами связалъ свое имя» съ этимъ происшествіемъ? Я ли,—какъ это утверждала социаль-демократическая «Волна» въ мартѣ 1906 г., хотя мое значеніе какъ хозяйина думы, было въ сущности фиктивное,—или сами представители тифлисской социаль-демократической группы, которые съ 22 августа систематически вели къ захвату власти фактическихъ хозяевъ думы, а 29 августа не только не закрыли митинга, но взирая на предостереженія полиціимейстера и требованія представителя генералъ-губернатора, но своей непростительной бравадой помѣшали публикѣ исполнить требованія военной власти?

И, наконецъ, кто же «пригласилъ праждакъ въ думское засѣданіе», не принявъ, однако, «никакихъ мѣръ для отраженія ихъ жизни» и тѣмъ «обрѣкъ на погибель борцовъ за освобожденіе родины»? Я ли, совместно съ прочими «отцами города», какъ заявляло «Возрожденіе» въ октябрѣ 1905 года, хотя мы узнали о митингѣ, когда онъ былъ уже совершившимся фактомъ,

или та партія, которая еще съ іюля того года проводила въ жизнь лозунгъ «захвата власти органовъ самоуправленій», не оставившая ни передъ какими жертвами, и представитель которой 29 августа въ роли председателя митинга сыгралъ описанную выше дѣйствительно печальную роль...

На всѣ эти вопросы читатели сами найдутъ отвѣтъ въ объективныхъ данныхъ, подробно изложенныхъ выше.

Въ заключеніе, я еще разъ заявляю, что въ мои задачи не входитъ оцѣнка историческаго значенія освободительнаго движенія, результатомъ котораго были и событія 29 августа, и многія другія аналогичныя факты бурнаго 1905 года, и не мнѣ, конечно, осуждать все то героическое, что было совершено въ томъ году и что стоило странѣ много жертвъ.

Не беру я на себя также осуждать и тѣхъ лицъ, которые, въ увлеченіи лозунгами освободительнаго движенія, не сдѣлали и 29 августа опрачить народъ отъ столкновенія съ администраціей.

Однако, позволю себѣ въ заключеніе спросить, развѣ руководители публики, увлеченные этими высшими лозунгами, удерживая неразрѣшенные митинги въ городской думѣ, въ то же самое время не брали на себя передъ публикой всей ответственности за все то, что могло быть результатомъ ихъ инициативы?

Развѣ, призывая публику на митингъ открывая свое засѣданіе въ думѣ не только безъ чьего бы то ни было согласія и разрѣшенія, но и вопреки увѣщаніямъ моимъ, эти руководители не должны были впередъ сами предупредить публику о всѣхъ послѣствіяхъ нарушенія обязательныхъ постановленій въ городѣ, объявляемыхъ на военномъ положеніи?

Если они исполнили всѣ эти элементарныя обязанности, лежащія на тѣхъ, кто берется руководить публикой, и публика была предупреждена обо всемъ, и знала всѣ послѣствія ихъ собранія въ думѣ, тѣмъ не менѣе не удержалась ихъ и не разошлась,—то это было дѣломъ ея свободной воли, и то, что случилось, явилось лишь той жертвой, которую не разъ и не въ одномъ мѣстѣ населеніе Россіи приносило своей свободѣ.

Но если руководители публички этих обязанностей перед публичкой не исполнили, то развѣ не ясно, что, говоря объ обязанностихъ упряденнаго «хозяина» думы, нужно одновременно установить всю отвѣтственность тѣхъ, кто собиралъ публичку на неразрѣшенный митингъ, зналъ и не предупредилъ собравшуюся публичку о послѣдствіяхъ неисполненія обязательныхъ постановленій въ городѣ, объявленномъ на военномъ положеніи; мало того, послѣ увѣщанія полиціи разойтись,—не только не посоветовалъ публичкѣ исполнить это требование администраціи, но, судя по словамъ цитированной прокламаціи, отвѣтилъ на это требование криками: «долой полицію, да здравствуетъ свобода собраній».

Но никто ни въ печати, ни въ общественныхъ собраніяхъ и не возбуждаетъ вопроса объ отвѣтственности самихъ руководителей публички.

Почему?

Не потому, конечно, чтобы этой отвѣтственности никто не сознавалъ, а въ силу того, что общественныя симпатіи на сторонѣ тѣхъ, которымъ, быть можетъ, страна объявлена въ значительной мѣрѣ завоеваніями 1905 года. Общество понимаетъ всю необходимость тѣхъ жертвъ, которыми сопровождалась эта борьба; мало того, за эти великія заслуги оно готово, быть можетъ, простить имъ и много ненужной и безпо-

лезно пролитой крови. Все это понятно вполнѣ. Но тѣмъ не менѣе, когда въ обществѣ возбуждается вопросъ, какъ произошло избиеніе публички 29 августа, на чашку вѣсовъ общественнаго правосудія не могутъ быть брошены эти заслуги руководителей публички въ общемъ освободительномъ движеніи. Заслуги—заслугами, а вопросъ о причинахъ избиенія долженъ быть поставленъ вполнѣ независимо и самостоятельно отъ этихъ заслугъ и разрѣшенъ на основаніи объективныхъ фактовъ. Факты же эти говорятъ относительно роли руководителей публички только одно, что они не исполнили ни одной изъ своихъ обязанностей въ отношеніи публички, которая вѣрнула имъ и слѣды шла за ними.

Для меня все это ясно по очевидности, такъ же, какъ и то, что если бы я самъ гдѣ либо созвалъ митингъ, не имѣя на то разрѣшенія, не предупредивъ публичку о возможной опасности, и, пользуясь своимъ авторитетомъ, убѣдилъ бы публичку не исполнить требованій полиціи и если бы въ результатъ произошло избиеніе публички, то, конечно, за такое мое легкомысліе мои вышшіе обвинители не нашли бы во всемъ арсеналѣ инквизиціи и казни для меня достойной, не смотри на мои заслуги...

Х. Вермишевъ.

